DOI 10.37882/2223-2982.2023.2-2.31

СЛОВОТВОРЧЕСТВО В. МАЯКОВСКОГО И И. СЕВЕРЯНИНА КАК СПОСОБ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ

THE WORD-MAKING OF V. MAYAKOVSKY AND I. SEVERYANIN AS A WAY OF RETHINKING VALUES

Yu. Sichinava
Yu. Savostyanova

Summary: The article is devoted to the analysis of the process of word creation by V. Mayakovsky and I. Severyanin, which reflects the specifics of the picture of the world of the era of revolutionary reorganization, which is realized in various forms of human behavior and the results of this behavior, in particular, literary texts. An individual picture of the world can be explicated through artistic creativity and word creation as well. Based on a comparative analysis of occasional linguistic means chosen by word creators in accordance with the intention, similarities and differences are revealed in the organization of the conceptual and linguistic models of individual worldviews of linguistic personalities who sought to rethink values and change the world.

Keywords: word-making, linguistic personality, concept, linguistic picture of the world, occasional word, poet-wordsmith, artistic text.

Сичинава Юлия Николаевна
Кандидат филологических наук, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков
juliafs@mail.ru
Савостьянова Юлия Ивановна
Кандидат филологических наук, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков
vi00@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу процесса словотворчества В. Маяковского и И. Северянина, отражающего специфику картины мира эпохи революционного переустройства, которая реализуется в различных формах человеческого поведения и результатах этого поведения, в частности, художественных текстах. Индивидуальная картина мира может эксплицироваться через художественное творчество и словотворчество в том числе. На основе сопоставительного анализа окказиональных языковых средств, выбранных словотворцами в соответствии с интенцией, выявляются сходства и различия в организации концептуальной и языковой моделей индивидуальных картин мира языковых личностей, которые стремились к переосмыслению ценностей и изменению мира.

Ключевые слова: словотворчество, языковая личность, концепт, языковая картина мира, окказиональное слово, поэт-словотворец, художественный текст.

В начале XX века возникают различные авангардные направления в искусстве и литературе (символизм, акмеизм, футуризм), которые по-своему трактуют назначение искусства в его отношении к окружающей действительности и в той или иной степени пытаются повлиять на язык, служащий инструментом культуры и искусства. В этом «новом» языке находит выражение вся совокупность представлений, конкретных знаний и мироощущений, характерных для данного периода времени. Выкристаллизовывается совершенно иная языковая картина мира.

Объектом данного исследования являются художественные тексты поэтов-словотворцев Владимира Маяковского и Игоря Северянина, а окказиональное слово, способное отразить реалии нового мира во всём его многообразии, представляет собой *предмет* статьи.

Цель работы – показать потенциальные возможности окказионального слова быть орудием построения нового мира посредством переосмысления принципов бытия.

Актуальность и *практическая значимость* данного исследования обусловлены необходимостью эстетического воспитания полноценного читателя, вовлечённого поэтом-словотворцем в художественную реальность произведения искусства [7].

Для реализации новой идеологии поэты-футуристы использовали нестандартные языковые явления, чтобы выразить своё отношение к происходящим событиям, воздействовать на чувства и волю читателя. Именно ощущение потенциала русского языка, потребность конструировать по его законам новое слово, отношение к слову как к инструменту, способному переустроить мир, и есть ещё один концептуальный признак, сближающий языковые личности таких разных и таких ярких представителей литературы авангарда, каковыми являются поэты-словотворцы Владимир Маяковский и Игорь Северянин. Эту задачу переустройства мира с помощью нового слова они и решали для себя, хотя каждый по-своему.

Языковое сознание разных языковых личностей неповторимо и уникально, что отражается на текстовой модели его презентации. Исследования художественного дискурса языковой личности, выявление специфических для этой личности концептов позволяют воссоздать языковые черты личности, ее языковой портрет. Поскольку «языковая личность едина в ее различных проявлениях и аспектах изучения» [4], то для характеристики языковых личностей поэтов В. Маяковского и

И. Северянина мы в своём исследовании обращались к различным аспектам окказионального словотворчества как наиболее специфичной и яркой черте словотворца. Окказиональное слово способно отразить и ценностный, и культурологический, и личностный компоненты содержания языковой личности своего создателя, так как оно по праву является одним из главных героев его творчества.

Помимо 6 мотивов, побуждающих художников слова к созданию окказионализмов (необходимости точно выразить мысль, стремления кратко выразить мысль, потребности подчеркнуть свое отношение к предмету речи, стремления обновить корневую семантику, необходимости сохранить ритм стиха), на наш взгляд, у словотворца есть еще один, не менее важный, побудительный мотив к созданию нового слова – неудовлетворенность реальной картиной мира, «миром вещей», окружающим личность. Словотворец, создавая новое слово, нарушая общепринятые языковые нормы, сознательно или подсознательно стремится изменить картину мира, обустроив его по-своему, поэтому и характер окказионального слова определяется целями и задачами, которые реализуются языковой личностью в процессе словотворчества как речевого поступка.

Факт весьма сложных личностных и творческих взаимоотношений Маяковского и Северянина общеизвестен. Лучше всего об этом сказал сам Северянин, назвав Маяковского *то ли дружьим врагом, то ли вражьим другом* [2, с. 9]. Такой диалектически противоречивый характер взаимоотношения между поэтами приобрели вследствие принципиальных различий не только в мировоззренческих и эстетических установках, но, по-видимому, еще и в лингвистических. Для чего создавать новое слово? Какова его роль в национальной языковой картине мира? На эти вопросы каждый из них ответил по-своему. Словотворчество Маяковского выполняло социальный заказ – создание нового социалистического искусства и нового русского «советского» языка (определение Тер-Минасовой С.Г.) [8]. Таким образом, с помощью нового слова Маяковский достаточно тоталитарно пытался изменить мир *для всех*. Северянин же, создавая нарочито изысканные окказионализмы, с помощью словотворчества обустраивал, приспосабливал мир прежде всего *для самого себя*, реализуя в новом слове потребность в красоте и утонченности, не хватавших ему в жизни.

Окказиональное слово, неспособное концептуализироваться в общекультурном масштабе, концептуализируется, однако, в идиолекте конкретной языковой личности, как, например, это произошло со словами, созданными Северяниным: *онездешниться, грезер, грезерка, поэза, Миррэлия*. Метаязык каждого автора уникален и неповторим, так как он является продуктом индивидуального языкового сознания также уникального и неповторимого. В связи с этим в словотворчестве как важнейшем компоненте метаязыка словотворца отражаются некие ориентиры, точнее временные и пространственные *координаты языкового сознания*, которые формируются под влиянием социальной системы ценностей и личностного к ним отношения. В основе внутреннего мира Северянина лежит не рациональное, а эмоциональное начало, поэтому языковому сознанию поэта доэмигрантского периода свойственно погружение в иллюзорный мир, мир грезы, вымышленную страну *Миррэлию*, названную в честь поэтессы Мирры Лохвицкой.

О концептуализации понятия «грёза» свидетельствуют и частотность употребления слова в метаязыке поэта, и создание однокоренных окказионализмов (*миррэлька, миррэлец, миррэльский*), также часто употребляемых, и обилие окказиональных слов, рожденных в условиях одного контекста со словом *грёза*. Что касается окказионализма *Миррэлия,* то он является одним из вариантов реализации данного концепта: *Миррэлия* – это *грёза* в *грёзе*, навеянная обаянием личности и творчества Мирры Лохвицкой.

В русском национальном языковом сознании традиционно мечта воспринимается как область возвышенного, мечта о приземленном, материальном, сопровождается, как правило, негативной коннотацией. Тексты доэмигрантского периода Северянина свидетельствуют о наличии некой *вертикали* в языковом сознании поэта (верх – низ / *Миррэлия* – Луга), точкой отсчета в которой является языковая личность поэта, ее эстетические предпочтения и прежде всего потребность в красоте, изысканности и утонченности. Об устремлённости взгляда языковой личности поэта *вверх* свидетельствует и концептуализация образа Луны в его творчестве и словотворчестве: *Луна глядит в окно моё, / Как в транс пришедшая пророчица. / Ах, отчего же мне так хочется / Переселиться на неё?* Так, в одном из сборников стихотворений Северянина [2] частотность употребления узуальной лексемы *луна* составила 46 раз. Окказиональными средствами это понятие концептуализировано 34 единицами: *все слушали поэта-экстазёра / и в луносне тонули от забот; на луноструне пою чаруний; пруд олунен и отинен; лунно-направленные у нас умы; твой лунопевный Лионель; лунятся лимоны; в сердце у ириса, лунно-линялом; я – лунокудрая нимфея-ночь; и солнцесвет, и лунопыль моих стихов сковали стиль; линялая от луни звукоткань* и т.д.

Желанием языковой личности словотворца Северянина оказаться *не-здесь* обусловлено и создание лексико-семантической группы окказионализмов (22), связанных отношениями производности с узуальной лексемой *крыло: желание крылит; вскрылил – и только; и птицу, скрылённую клеткою, / пущу я в воздух, хохоча; тщета*

воскрылий, тщета усилий; я весь воскрылие; милая белолебедь в светлом раскрылье крыл; машинно-крылый истукан; десять лет обескрыливающих лишений и т.д.

Анализ творческого наследия Северянина эмигрантского периода, свидетельствует о смещении *координат языкового сознания* поэта, что, конечно же, связано с переоценкой ценностей. Взгляд поэта становится ретроспективным, скользит по *горизонтали*, обращаясь к прошлой жизни в России, что весьма характерно для языковой личности русского эмигранта-интеллигента первой половины XX века. Мечты Северянина приобретают конкретные образы, например, Мариинский театр, памятник Петру I, картины Крыма и т.д. Изменился и характер словотворчества. Весьма показательно в этом смысле стихотворение «Стихи о реках» (1940). Вспоминая русские реки, поэт пишет:

О, реки, плывшие по юности,
Вы облюбованы, как юнь.
Я знал вас в солнечности, в лунности,
Гляделся в вашу полынью.
Это взгляд в прошлое. А вот что в настоящем:
Бывало, еду и аукаю
В запроволочные края.

И далее:

И мысль привычно – необычная
Овладевала часто мной,
Но бдит охрана пограничная
Настраженною тишиной.

Окказиональные слова актуализируют концептуализацию образов России прошлого и настоящего: в прошлом – *солнечность, юнь, лунность,* в настоящем – *запроволочная страна, настраженная тишина.*

В эмиграции для поэта наступает период осмысления ценностей западной цивилизации. Он осознаёт, что, помимо культурной традиции, есть и другие составляющие западного образа жизни, которые поэт не приемлет, и его взгляд обращается к России:

Время настанет – Россия воспрянет…
Мир ей восторженно славу возгрянет, –
Родина Солнца – Восток!
(«Колыбель культуры новой», 1928)

Последняя фраза наглядно свидетельствует о трансформации концептуальной картины мира личности поэта (от Запада к Востоку, к России), что подтверждается также и строками стихотворения «Грустный опыт» (1936):

Я сделал опыт. Он печален:
Чужой останется чужим.

Есть все основания предположить, что в этом тексте поэт говорит не только о житейском опыте, приобретённом в эмиграции, но и об опыте *лингвистическом*, опыте создания посредством нового слова вымышленной страны, похожей на Запад, об опыте, в результате которого у поэта опять появилось желание оказаться *не-здесь*:

Весна постичь душой поможет,
Чем дом покинутый хорош.
Имея свой, не строй другого.
Всегда довольствуйся одним.
Чужих освоить бестолково:
Чужой останется чужим.

Таким образом, неудовлетворенность Северянина настоящим как в доэмигрантский период творчества, так и в эмиграции, стремление обустроить мир для себя приводят к трансформации *координат языкового сознания* поэта – от *вертикали* к *горизонтали*, что, безусловно, повлияло на процесс словотворчества, изменило его характер и степень продуктивности. Увеличение количества слов с отрицательно-оценочной семантикой в эмигрантском периоде творчества свидетельствует о психологической неустроенности и душевной неудовлетворённости поэта.

Совсем иначе задача переустройства мира решается языковой личностью Маяковского. Временное пространство, в которое погружено языковое сознание поэта – это настоящее. Основой психологического континуума языковой личности поэта являются как рациональное, так и эмоциональное восприятие и ощущение жизни во всех ее проявлениях – здесь и сейчас. Русскому национальному языковому сознанию традиционно свойственна идеализация прошлого, что, в частности отражено в паремиологии [1]. Такая тенденция не свойственна языковому сознанию поэта [6, с. 147]. Если он обращается к ретроспективе, то в основном для того, чтобы предать прошлое анафеме, сравнивая его с настоящим. Об этом свидетельствует и негативная эмотивная коннотация окказионализмов, творимых в контексте о прошлом, а прошлым для него является всё, что уже устарело: это время вообще, история, всё, что было вчера и даже ночь. Перспектива, будущее, носит весьма схематичный характер, как, например, в поэме «Летающий пролетарий» (1925), что подчеркивают окказиональные слова: *электросамобритель, авиабол, Главвоздух, аэросипеды, газоносцы, газодежда, самоубирающаяся (посуда)* и т.д. В этом будущем чётко прослеживается идеологическая установка 20-х годов – индустриализация и развитие технического прогресса, а в окказиональных словах отражена характерная черта национального языкового сознания тех лет – пристрастие к сложным словам и аббревиатурам.

Основная задача, которую реализует Маяковский в процессе своего творчества и словотворчества, – это воздействие на сознание социума, поэтому чаще всего он обращается не к конкретной личности, а к коллективу, к широкой аудитории. В пространственном отношении модель языкового сознания поэта строится по принципу «я и публика», то есть «ритор и аудитория, которую

он поучает». Это подтверждается и морализаторским пафосом текстов, и восклицательными конструкциями, и многократным употреблением глаголов (в том числе и окказиональных) в форме императива. Все эти особенности устройства языкового сознания поэта отразились на характере процесса словотворчества.

Как показывают наблюдения, в словотворчестве Маяковского отразилось сильное рациональное начало в организации языкового сознания поэта и погруженность этого сознания во временном плане в настоящее. Поэтому представления Маяковского о красоте носили весьма рациональный и прагматический характер, он, как уже говорилось, не признавал красоты абстрактной, идеальной. Именно этой особенностью эстетики поэта обусловлены его нападки на Игоря Северянина, высмеивание его *озерзамков, поэз и поэзовечеров*. С точки зрения Маяковского, в отличие от Северянина, красиво то, что может приносить практическую пользу людям, обществу, например, *технический прогресс*, отраженный в словотворчестве следующим образом: *разэлектричить, железнодорожить, трактореть, выметаллизировать, урожаиться, расфабричить, аэрокрылья, железоруки, Метрополитания* и т.д.

Использование окказиональных средств свидетельствует о стремлении личности к свободе от давления языковой нормы, от шаблонов и стереотипов, о смелости в творчестве и степени ответственности за него, о самодостаточности личности, о неутомимом поиске новых форм и способов самовыражения. Общеизвестен тот факт, что у Маяковского никогда не было равнодушных читателей: им либо восхищались, либо категорически его отвергали. Причем такое отношение характерно как для идеологического плана его творчества, так и для его творческой манеры. В немалой степени тому способствовало словотворчество поэта. Поэтические открытия Маяковского соответствуют тенденциям эпохи, которые так ярко отражаются в языке поэта, в его дискурсе. И это очень важно. Но не менее важен и тот факт, что по определенным константам языкового сознания и коммуникативного поведения мы можем попытаться выявить некоторые черты самой языковой личности. Потребность в создании нового слова была для Маяковского гораздо большим, чем просто стремление «любым способом покорить аудиторию» [3], и мы уже говорили об известной доле относительности волеизъявления личности перед выбором быть или не быть словотворцем. В этой связи примечательно, что даже в предсмертной записке Маяковский употребляет окказиональное слово – *исперчен:*

Как говорят –
«инцидент исперчен»,
любовная лодка
разбита о быт.
Я с жизнью в расчете
и не к чему перечень
взаимных болей,
бед
и обид.

Глубокое погружение в жизнь языка, одержимость стихией речи, ее динамикой – одна из характерных особенностей Маяковского как языковой личности, а окказиональное слово – важнейшая составляющая всего творческого процесса поэта, одна из наиболее ярких черт его языкового сознания.

Надо отметить, что в языковом сознании носителей русской культуры имя поэта концептуализировано, о чём, в частности, свидетельствуют вербализованные и невербализованные реминисценции творчества и личности поэта в рекламных текстах (примечательно, что совсем недавно появились рекламные тексты, использующие образ Пушкина), и ассоциативно связано с понятием новаторства. Концептуализации имени поэта в национальном языковом сознании во многом способствовал характер его словотворчества. Его смелые эксперименты со словом, как известно, вызывали крайне полярные точки зрения – от восторгов до хулы (см.: В.В. Маяковский: pro et contra. Антология). Говоря о языковой личности как о лингвистическом (в широком смысле) феномене, нельзя не обращать внимания на факторы экстралингвистического характера. Примечательно, что, пожалуй, ни одна творческая личность не получала столь сложной и неоднозначной оценки в масштабах национальной языковой картины мира XX века: от неприятия в раннем творчестве до канонизации после смерти, и от канонизации до неприятия в период перестройки. Хочется верить, что крайности, наконец, примирились. Такая неоднозначность восприятия личности Маяковского, на наш взгляд, во многом обусловлена тем, что мы имеем дело с личностью словотворца.

Словотворчество, таким образом, это вербализованное проявление окказиональности процессов мышления, которая способна оказывать влияние на поведение и поступки личности и на её восприятие окружающими. Стремление нарушить языковую норму активным процессом порождения новых слов – это, по-видимому, частное, вербализованное отношение к норме как таковой. Факты биографии поэта, воспоминания о нём современников также свидетельствуют о нестандартности (окказиональности) его поступков и принимаемых им решений.

Художественное произведение несет на себе отпечаток мировоззрения, поэтического видения действительности, языка и стиля своего творца. Обращение к языковой личности, изучение её индивидуальных черт и различных аспектов дискурса помогают найти новые подходы к интерпретации художественного текста, так как «за каждым текстом стоит языковая лич-

ность» [5]. Внимание к окказиональному слову даёт возможность более глубокого и всестороннего понимания индивидуальности языковой личности, особенно такой яркой и нестандартной, какой и является поэт – словотворец. Такой подход к интерпретации художественного произведения позволяет выявить новые грани художественного текста, ощутить богатство его семантических (выраженных явно и имплицитно) смыслов и эмотивных оттенков

Таким образом, принципы антропоцентризма, положенные в основу исследования и интерпретации текста, позволяют сфокусировать внимание на аспектах интенций и реализации внутренних потребностей языковой личности. Именно личность становится точкой отсчета при анализе тех или иных языковых реалий текста, личность вовлекается в этот анализ, чтобы через языковое воплощение воссоздать характерные черты языкового сознания автора и его языковой портрет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В.И. Пословицы русского народа в 2 т. М., 1989. Т. 1. 431с. Т. 2. 447 с.
2. Игорь Северянин. Я избран королем поэтов. М., 2000. 591 с.
3. Карабчиевский Ю.А. Воскресение Маяковского. М., 1990. 220 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. 392 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 262 с.
6. Руссова С.Н. Автор и лирический текст. М., 2005. С. 147–162.
7. Савостьянова Ю.И., Сичинава Ю.Н. Проектная деятельность в образовательном процессе как метод патриотического воспитания и приобщения к родному языку и культуре (на примере изучения творчества В. Маяковского) // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2021. С. 167–178.
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2004. С. 250.

© Сичинава Юлия Николаевна (juliafs@mail.ru), Савостьянова Юлия Ивановна (vi00@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков